

ВИКТОРИЯ ПЛАТОВА

ХРУСТАЛЬНАЯ ЛОВУШКА

**Москва
2024**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

В оформлении обложки используется иллюстрация
А. Рысухиной

Платова, Виктория Евгеньевна.

ПЗ7 Хрустальная ловушка / Виктория Платова. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с. — (В мертвом омуте. Психологические триллеры Виктории Платовой).

ISBN 978-5-04-190275-9

Долгожданная поездка с семьей на горнолыжный курорт оборачивается для Ольги Красинской настоящим кошмаром. Заблудившись в сумерках в горах, она случайно попадает в пещеру, где находит страшную коллекцию — семь трупов, закованных в лед. Не помня себя, Ольга бежит из пещеры. Но ее рассказ воспринимают как бредни сумасшедшей. А через несколько дней в гостиничном номере убит отец Ольги. И она — главная подозреваемая. В ее невиновность не верит никто, даже близкие люди. Не верит и она сама. Что это — действие сумасшедшей или хорошо спланированный преступный замысел? Именно в этом придется разобраться начальнику охраны курорта Пал Палычу Звягинцеву...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Платова В.Е., 2017
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-190275-9

Автор выражает искреннюю признательность за помощь в написании романа сотрудникам горнолыжного комплекса «Золотая долина» (г. Санкт-Петербург).

... Он будет лучшим в коллекции, этот трофей.

Этот легкомысленный жеребец, конь с яйцами, поклонник фирмы «Саломон»¹, любитель армрестлинга, баночного пива и натуральных блондинок. Блондинок всего пять — две замужем, одна разведена, одна залечивает ранний климакс и полуслепые глаза подобием фристайла. Кажется, такие неприятности со зрением называются астигматизмом... Еще одна, преподавательница филологии какого-то московского института, послала его подальше вместе с баночным пивом. Нужно отдать ему должное, он никого не пропустил за ту неделю, что околачивается в «Розе ветров», подонок. А с двумя даже умудрился переспать, с разведенкой и астигматичкой, — они сами на это нарывались, так что доблесть невелика.

Теперь эти две самки ненавидят друг друга.

А он мертв.

О том, как он умер, никто никогда не узнает.

И тело его не найдут, ничего не поделаешь, две лавины прошли одна за другой. В коротком промежутке между ними я успел спасти его. Спасти, чтобы убить. Он не ожидал. Он не ожидал, что моя лыжная палка, переделанная под нож, окажется так остро заточенной. И что она войдет ему под лопатку, не встретив никакого сопротивления.

Перед смертью он назвал мне свое имя. Кирилл. Астигматичка называла его Кирой. Разведенка — Лариком.

---

¹ «Саломон» — один из крупнейших производителей лыжного снаряжения.

Я тоже представился. Он обещал мне пиво и армрестлинг, как только мы доберемся до «Розы ветров». Мы спустились по склону: сначала он на своем сноуборде, затем я. Я взял влево, хотя «Роза ветров» находится правее. Он не обратил на это внимания: новички не ориентируются на местности, а он был новичком, это ясно. «Обязательно приеду сюда на следующий год» — это были его последние слова. Последние перед тем, как моя лыжная палка вошла ему под лопатку, не встречая никакого сопротивления.

... Я давно за ним охотился. Он будет лучшим в коллекции, этот трофей, хотя с ним и придется повозиться.

Хорошо посаженная голова, разворот ключиц, грудная клетка, аккуратные ягодичы — все это выше всяких похвал. Единственное, что раздражает меня, — это удивление, застывшее на его холемом лице. Удивление — и больше ничего. Почему все они безмерно удивляются, когда смерть застает их врасплох, почему на это так живо реагируют их носогубные складки и глазные яблоки?.. Только с одним трофеем мне повезло — горе-альпинист, отбившийся от группы во время восхождения по южному склону и похороненный лавиной. Он умирал несколько часов, хотя для смерти хватило бы и пятнадцати минут; несколько часов мучений только потому, что ему удалось создать воздушный мешок — он методично бился каской о прессованный снег. Но это только продлило агонию. И придало его лицу то выражение, которое я тщетно хочу придать лицам всех своих трофеев, — выражение неизбежного, нечеловеческого, всепоглощающего ужаса.

Ужас.

Ужас — вот визитная карточка моей коллекции.

Ужас, заключенный в ледяную корку. Ужас как композиционный центр всей скульптурной группы. Шесть фигур, если не считать горе-альпиниста и любителя фристайла Кирилла. С ними будет семь, число слишком неудобное для Страшного суда. Нужен кто-то еще, лучше, чтобы это была женщина, еще одна, кроме той, что у меня уже
6 есть. Но ни астигматичку, ни разведенку я видеть не

хочу. И остальных натуральных блондинок тоже, их волосы не так хороши для льда. Ни одной подходящей фактуры за сезон, есть от чего прийти в отчаяние.

Но я не приду в отчаяние. Я терпелив. Я гораздо более терпелив, чем эти чертовы горы.

Я буду ждать нужную мне женщину. Я буду ждать одну-единственную деталь, которая поможет мне закончить композицию. Последний штрих, финальный аккорд.

Она займет свое место на ледяном пьедестале, и это будет достойное место. Жаль, что никто и никогда не оценит этого. Никто, кроме сводов пещеры, которая свято хранит мою тайну, мой маленький музей фигур из льда. А ведь он вполне мог бы стать достопримечательностью «Розы ветров», и школьники приезжали бы сюда на экскурсию во время зимних каникул... Нет, школьники — это чересчур хлопотно. Фантики от конфет, жвачка, приклеенная к стенам, банки из-под кока-колы, использованные презервативы — школьники остаются убудками всегда и везде, никакого почтения к высокому искусству.

А это и есть высокое искусство.

Четверых из семи моих трофеев, моих милых натурщиков, убили горы. Трех — я сам.

А это и есть высокое искусство.

Лювеобильного подонка Кирилла хватятся только к вечеру. Нужно успеть вернуться в «Розу ветров», чтобы принять участие в его поисках. Я буду последним, кто откажется от них.

Спасатели всегда надеются на лучшее, хотя прекрасно информированы о худшем...

К тому же нужно еще покормить собак. Как же я мог забыть о собаках?..

ЧАСТЬ I

Знатные семьи всегда преследует злой рок.

Юдзан Дайдодзи.

«Будосёсинсю»

«Жила-была девочка, которая ненавидела самолеты... Она ненавидела их больше, чем рыбий жир и гольфы с помпонами. И даже больше, чем костюм Снежинки на новогоднем утреннике. Ее почему-то всегда наряжали Снежинкой, а ей хотелось быть Королевой-домино... Черная клетка — белая клетка. И кружевное жабо вокруг шеи... Быть может, если бы она привыкла к самолетам, ее шея не была бы такой тонкой.

А потом девочка выросла, окончила Московский государственный университет (филфак, последнее прибежище дур из зажиточных семей), и ее абстрактная ненависть к самолетам стала конкретной. Она терпеть не могла всю историю *fucking mother* (извините за ненормативный английский) авиации — от невинной этажерки братьев Райт до последней модели «Боинга». В пакет ненависти входили также: табло «Не курить! Пристегнуть ремни!», авиакомпании «САС» и «Люфтганза», минеральная вода в пластиковых стаканчиках, мятные карамельки «Полет» и...

И воздушные ямы.

Воздушные ямы, капкан для любого здравомыслящего человека. Сейчас нашу девочку вырвет, интересно, догадается ли какая-нибудь сволочь принести бумажный пакет, прежде чем случится несчастье?..»

— Интересно, догадается ли какая-нибудь сволочь принести бумажный пакет? — спросила Ольга слабым голосом.

— Я, кажется, даже знаю, как зовут эту сволочь, кара¹. — Даже сейчас он не упустил возможности поцеловать ее.

8 ¹ Сага — дорогая (итал.).

Спустя два с половиной года супружеской жизни. Милый, милый, бесконечно милый Марк, как же ей повезло с ним! Ну, кто еще называл бы ее «кара», разве что какой-нибудь сицилианский мафиози средней руки, вариант крестного отца для бедных... «Кара» — память о медовом месяце в Венеции, туда они тоже летели самолетом.

Венеция — подарок Марка, оплаченный деньгами ее отца. Марк отработывал эти деньги полгода — уже потом Ольга узнала об этом. Вкалывать без выходных после того, как маленькие пароходики в Лидо и Дворец дождей стали воспоминанием, — не всякий пылко влюбленный решится на это.

Милый Марк. Святой Марк.

«Сан-Марко» — именно так обращались бы к нему родные, если бы были итальянцами. Но они не были итальянцами. Кажется, его родной город называется Кизыл-Арват. Совершенно непроизносимое название, затерявшееся где-то в туркменских песках. Почти библейских, как шутит сам Марк. Библия, вот чем руководствовалась его мать, рожая детей: Марк — самый старший, есть еще брат Иона и сестры — Мария и Магдалина. Его мать — она заселила бы детьми весь Новый Завет, если бы не умерла...

... Тошнота понемногу проходила, Ольга откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза.

Марк — самый старший из всего кизыл-арватского библейского выводка. Ее муж перед богом и людьми. Правая рука отца, талантливый менеджер, в тридцать три года ставший коммерческим директором крупного нефтедобывающего концерна. Без всяких протекций с ее стороны: это было решение отца, только его. Отец никогда бы не отдал пост своему зятю, если бы он был только зятем. Но Марк был по-настоящему талантлив в бизнесе, отец понял это, как только приблизил его к себе. Марк не любит вспоминать все связанное с его детством и ранней юностью в Кизыл-Арвате: ничего выдающегося там не было — удручающая бедность, несколько соляных озер, змеи, песок и ящерицы-гекконы, лазающие по стенам дома. Он

вырвался оттуда, как вырываются из ада. Его мать умерла, сестра Магда, в полном соответствии с именем, перекочевала в один из амстердамских стриптиз-клубов (Марк почти не вспоминает о ней, он ненавидит сестру так же, как Ольга — самолеты). Мария осталась в Кизыл-Арвате и вышла замуж за плотника-туркмена, тоже в полном соответствии с именем. Она работает на местной ковровой фабрике, а на свадьбу подарила Марку и Ольге ковер — он и сейчас лежит в их спальне, на полу.

Очень красивый ковер. Чередующиеся геометрические фигуры — похоже, что туркмены действительно знают толк в неевклидовой геометрии...

Ольга не видела никого из родных Марка — даже ковер передали с оказией из Ашхабада. Сегодня она наконец-то познакомится с Ионой, младшим братом.

«Иона в чреве кита» — кажется, именно так назывался этот сюжет.

Подходящего кита для Ионы не нашлось. И ему пришлось скрыться в другом чреве. Горы — вот что сразило Иону наповал. Он устроился спасателем на одном из горнолыжных курортов Приэльбрусья. Через час он будет маячить в толпе встречающих в аэропорту. Если верить Марку, их ждут великолепные десять дней в горах. Или две недели, если им уж очень понравится.

Ольга предпочла бы море горам, а песок — снегу.

Но Марк — Марк обожает холод. И воду во всех проявлениях. Издержки детства в пустыне.

После свадьбы они уехали в Венецию — это была осенняя Венеция. Вода во всех проявлениях и облачко пара изо рта по утрам, после любви и перед кофе. Марк был счастлив. Он был счастлив в чужом городе, где все напоминало о нем самом: площадь Сан-Марко, библиотека Сан-Марко, церковь Сан-Марко... Тогда, в Венеции, Ольга и представить не могла, что Марк с ума сходит по горным лыжам. Даже горнолыжного снаряжения никогда не было в их доме. Марк купил его за две недели до этой поездки.

10 Самое дорогое — себе и Ольге.

Горнолыжный шлем очень ему идет. И очки «Turbo С.А.М.», 134 доллара за штуку.

— Ну, как ты, кара? — Марк вернулся сразу с несколькими бумажными пакетами для прискорбных случаев воздушнoй болезни. Он выглядел таким несчастным, что Ольга невольно улыбнулась.

— Уже лучше, милый. Может быть, все обойдется.

И снова он не удержался и поцеловал ее. «Его губы по-прежнему волнуют меня, — подумала Ольга, — волнуют так же, как и два с половиной года назад, когда мы занимались любовью где попало. «Где попало» — неплохо сказано, но как-то не вяжется с должностью коммерческого директора, который должен быть импотентом-трудоголиком по определению. Да, его губы по-прежнему волнуют меня, и эта его привычка подбираться к моим собственным губам осторожно, исподволь, с ямочки на подбородке. Марк называет это восхождением, покорением вершины...»

Интересно, почему он выбрал горные лыжи, а не альпинизм?

Смешно, я обожаю целоваться со своим собственным мужем...

Теперь-то ее точно стошнит!..

Ольга сразу же отстранилась от Марка и поиграла скулами.

Инесса, как она могла забыть. У их поцелуев есть свидетель. Что-что, а любое проявление чувств Инессы не может не заметить.

— Забыл поделиться своими наблюдениями, кара, — Марк откинулся в кресле. — Твоя мачеха, а моя дражайшая теща — отпетая сука.

— Спасибо, Марик, ты, как всегда, любезен, — Инесса, сидевшая рядом с Марком, положила руку ему на колено.

Марк поморщился, но руки не убрал. За него это сделала Ольга.

— Отличный маникюр, Инка, — мягко сказала она.

— Могу порекомендовать свою маникюршу. И косметичку заодно. — Инесса высвободила свою руку из **11**

предупредительно жестоких пальцев Ольги: не касайся моего мужа, отпетая сука!

— До косметички я еще не доросла.

Инесса засмеялась: Ольге всегда нравился ее смех, прозрачный и нежный, как колокольчики на ветру. «Нет, она не отпетая сука. Она — моя лучшая подруга. И жена моего отца».

«Твоя мачеха, а моя дражайшая теща» — еще одна игра, придуманная Марком. Повод для шуток в семейном кругу.

Инесса, Инка, лучшая подруга Ольги, сначала школьная, а потом институтская. Инка, хорошенькая брюнетка с темными, обуглившимися губами. Они поссорились только один раз в жизни, в седьмом классе, из-за веснушчатого мальчика, который перевелся в другую школу через две недели после ссоры. А Инка и Ольга не разговаривали полгода. До самой смерти Ольгиной матери.

Она покончила с собой — нет, лучше об этом не думать. Не думать, не думать, не думать...

Ольга всегда любила отца. Только его. В их маленькой семье всегда существовал треугольник — с тех самых пор, как Ольгу стали наряжать в костюм Снежинки на утренники в детском саду. Не очень-то ей шло, нужно сказать: Снежинка с иссиня-черными волосами, материнская порода.

Мать Ольги была грузинкой из хорошей тбилисской семьи. Виолончелистка с консерваторским образованием. Родители Ольги познакомились в филармонии, на Дебюсси, худшего места для романтической встречи и вообразить невозможно. Ольга родилась через полтора года после исполнения «Девы-избранницы» во втором отделении.

В пять лет она впервые приехала в Тбилиси. Рано составившиеся женщины в черном, загробная прохлада комнат, тяжелые фамильные украшения; с перстнем, по семейной легенде принадлежавшим Давиду Строителю, Ольга играла перед сном... Тбилиси стал сплошным кошмаром для пятилетнего московского ребенка. Ольга рыдала без папочки, оставшегося в сказочной, пряничной, такой

12 понятной Москве. Они с матерью уехали через четыре

дня. Теперь Ольге двадцать семь, но ей до сих пор стыдно за бегство из Тбилиси, в котором она больше не была никогда. Даже на похороны матери не поехала — рано составившиеся женщины в черном увезли ее тело из Москвы. Тогда Ольга свалилась в лихорадке и две недели, пока отец оставался в Тбилиси, пролежала у Инки.

Прости меня, мамочка. При жизни я редко называла тебя мамой. Только Мананой, как отец, даже в этом я старалась походить на него: Манана, ты опять сделала это противное лобно, ты же знаешь, что я не люблю твою грузинскую кухню... Манана, тебя опять вызывают в школу. Манана, я не надену это дурацкое платье... Манана со всем соглашалась, она была чересчур кроткой для грузинки, только в глазах горел нестерпимый, все испепеляющий огонь.

Ольга боялась этого огня, иногда она даже думала перед сном: как было бы хорошо, если бы Манана освободила их, уехала навсегда в свой красно-черный Тбилиси.

В конце концов она и освободила их, уехала навсегда в свой красно-черный Тбилиси в оцинкованном гробу. А вместе с ней исчез запах кинзы, пряностей и крепкого кофе. Потом канула в небытие металлическая посуда и глиняные кувшины: никто их не выбрасывал специально, казалось, вещи сами покидали дом. Осталась только виолончель Мананы, она и теперь с отцом, хотя старого дома больше нет. Отец построил себе коттедж за городом, а Ольге купил квартиру на Ленинском проспекте, в престижном доме с дурой-консьержкой и видеокамерами по периметру.

Долгие годы после смерти матери Ольга мучилась угрызениями совести: ей казалось, будь она поласковей с Мананой, никакого самоубийства бы не было. И только когда она стала первокурсницей, крепко выпивший отец рассказал ей *всю правду*.

Манана была больна.

Она всегда казалась немного странной, еще в то время, когда они с отцом встречались и подолгу гуляли в Сокольниках: слишком часто впадала в неистовство, **13**

страдала просто патологической ревностью, ее настроение могло кардинально измениться за каких-нибудь пять минут без всякой на то причины. С рождением Ольги все это только усугубилось: Манана, как в спячку, стала впадать в депрессию. Депрессия заканчивалась выплеском неконтролируемой ярости — тогда отцу приходилось прятать все колющие и режущие предметы в доме, включая пилочки для ногтей и маникюрные ножницы. Несколько раз Манана лежала в самых разных психиатрических клиниках: от дочери это всегда скрывали, чтобы не травмировать хрупкое детское сознание. Манана была слишком горда, чтобы позволить дочери стать свидетельницей ее болезни. Грузинская красавица, урожденная Багратиони, она так и не взяла немного плебейскую фамилию отца — Шмаринов. В последний раз она вышла из больницы за три дня до самоубийства...

Отец любил Манану, после ее смерти он долго не женился. А чтобы хоть как-то спастись, с головой ушел в работу. Так что в фундаменте его сегодняшней нефтяной империи лежит самое банальное одиночество...

Весь первый курс филфака с факультативным испанским, когда так неожиданно открылась их самая страшная семейная тайна, Ольга продрожала за себя. Больше всего она боялась, что фобии ее матери проявятся и в ней. Из этого состояния Ольгу вытащила Инка, поступившая на тот же филфак за компанию с подругой. Тревожные ожидания Ольги она называла не иначе как манией Мананы («Звучит неплохо, как ты думаешь, Лелишна?..»).

Только Инка называла Ольгу Лелишной, это звучало несколько иронически, но всегда успокаивало. И сама Инка успокаивала. До тех самых пор, пока не отправилась вместе с Ольгой и ее отцом на Золотые Пески в Болгарию.

Последние двое суток Инка не ночевала в номере. Ольга подумала было, что знойная красотка Инка подцепила себе какого-нибудь роскошного волосатого болгарина: уж очень много их крутилось рядом, всех этих Петко, Арсенов и Стоянов. Но действительность оказалась про-

сто сюрреалистичной. В самолете (в одном из тех fucking mother самолетов, которые Ольга так ненавидела) отец объявил Ольге, что он женится на ее подруге.

В не самый подходящий момент тупой болтанки в воздушной яме.

Ольгу вырвало.

— Надеюсь, это не реакция на сообщение о нашей помолвке, Лелишна. — Инка и здесь осталась верна себе.

— Не ссорьтесь, девочки, я люблю вас обеих, — примирительно сказал отец.

«Вас обеих» — только этого не хватало! Инка, ее лучшая подруга с самого первого класса; Инка, с которой они шушукались и хихикали, лежа под одним одеялом, когда Ольга оставалась у нее ночевать; Инка теперь спит с ее — ее! — отцом и называет его Игорем.

— Как ты его называешь? — спросила Ольга у Инки, когда отец по прилете отправился за их багажом.

— Кого? — не поняла Инка.

— Отца.

— В смысле?

Инка давала уморительные клички всем мужчинам, с которыми спала, даже тем, с кем у нее были продолжительные романтические отношения, — здоровый цинизм был ее отличительной чертой.

— Ты сама знаешь, в каком.

— Надеюсь, мы все еще подруги, Лелишна, — сказала Инка, глядя в пространство.

Ольга ничего не ответила.

Невозможно, невозможно смириться с тем, что твоя лучшая подруга, о любовных похождениях которой ты знаешь все, станет женой твоего отца. Он будет обнимать ее так же, как любой мужчина обнимает женщину, они будут заниматься любовью — с той лишь разницей, что он не «любой мужчина»... Инка обожала делиться своими сексуальными переживаниями в скабрёзных записочках на лекциях. У нее все это выходило смачно. Своих бывших партнеров она называла покойными мошонками, 15